

ЗАКАЗ

ДВА ДИАЛОГА ПОД ОСТЫВАЮЩИЙ КОФЕ

Действующие лица:

Веня, он же Герман, нервный юноша восемнадцати лет.

Матвей, суровый мужчина неопределенного возраста.

Лиза, женщина с усталыми глазами, чуть за сорок.

Лёха, приятель Вени.

Сцена слабо освещена. В полумраке с разных сторон навстречу друг другу движутся две тени. Тени сближаются, обмениваются приветствиями.

ЛЁХА (*радостно*). Оп-почки, Веник! Хай, френд.

ВЕНЯ. Здорова, Лёх! Че, как сам?

ЛЁХА. Да ништяк, бро, все чики-пуки.

ВЕНЯ. Классно, что я тебя встретил.

ЛЁХА. Да? А ты че такой кислый?

ВЕНЯ. Да, блин, задрало все. Ну, ты же знаешь мою ситуэйшен.

ЛЁХА. Да уж... А как у тебя с Люськой?

ВЕНЯ. Все так же. Слышь, Лех! Я у тебя че хотел спросить. Помнишь, ты на днюхе у Косого про чела одного впаривал? Типа, крутой мужик...

ЛЁХА. Я? (*Силится вспомнить*). Не, не помню. Я ж тогда нажрался. Конкретно бухой был.

ВЕНЯ. Ну, ты еще говорил, что тебе Кабан про него рассказывал. Серьезный такой кент.

ЛЁХА. А! Ты про это? Ну да, помню...

ВЕНЯ. Ты базарил, типа что он, если че, может любые проблемы порешать.

ЛЁХА. Ну...

ВЕНЯ. Слышь, Лех! А как с ним связаться-то?

ЛЁХА. Ты че, в натуре? Блин, Веник, ты даешь! Ты врубаешься, че это за чел?

ВЕНЯ. Врубаюсь. Так как с ним связаться?

ЛЁХА. Ну, не знаю... надо Кабана поспросить.

ВЕНЯ. Лёх, будь другом, узнай, а?

ЛЁХА. Ну, окей. Мне не в падлу.

ВЕНЯ. Только ты сегодня узнай.

ЛЁХА. Могу и сегодня. Щас к Верке мотану на часок, а на обратной дороге к Кабану загребу.

ВЕНЯ. И ты мне сразу сообщи, если узнаешь.

ЛЁХА. Заметано, бро. Только по-моему зря ты, Веник...

ВЕНЯ (*твердо*). Я уже все решил! Ладно, чеши к своей Верке. Жду от тебя весточки.

ЛЁХА. Пока.

Друзья расходятся, свет гаснет. Раздаются длинные гудки. Телефонный разговор.

ГОЛОС МАТВЕЯ. Да?..

ГОЛОС ВЕНИ. Але, это Матвей?

ГОЛОС МАТВЕЯ. Да. Кто говорит?

ГОЛОС ВЕНИ. Меня зовут Герман.

ГОЛОС МАТВЕЯ. Откуда у тебя этот номер, Герман?

ГОЛОС ВЕНИ. Мне его дал Кабанцев Виктор.

ГОЛОС МАТВЕЯ. Понятно. Слушаю тебя, Герман.

ГОЛОС ВЕНИ. Есть работа. Необходимо встретиться.

ГОЛОС МАТВЕЯ. Когда? Где?

ГОЛОС ВЕНИ. Кафе «Ласточка» на Ленинском знаете?

ГОЛОС МАТВЕЯ. Да.

ГОЛОС ВЕНИ. Завтра в четыре удобно?

ГОЛОС МАТВЕЯ. Буду.

Короткие гудки обрываются тишиной. Свет загорается. Уютное помещение небольшого кафе. Немноголюдно. За столиком возле окна сидит Веня. Перед ним остывает чашка нетронутого кофе. Парень нервно озирается и постоянно смотрит на часы. Входит Матвей. Оглядывается, заметив юношу, решительно направляется к его столику и, не проронив ни звука, садится напротив.

ВЕНЯ (*деловито*). Привет. (*Матвей молчит*). В смысле я хотел сказать: здравствуйте. (*Матвей молчит*). Извините... я не понимаю... но...

МАТВЕЙ (*насмешливо*). Че засуетился-то? Расслабься, парень.

ВЕНЯ. Простите... но вы – Матвей?

МАТВЕЙ. Так точно, Матвей. А ты, дружок, стало быть, Герман.

ВЕНЯ. Да.

ВЕНЯ. Я сейчас закажу вам кофе.

МАТВЕЙ. Не стоит. (*Берет Венину чашку, отхлебывает, морщится*). Гавно, а не кофе. Отрава! (*Изучающим взглядом смотрит на Веню*). Странно, по голосу я тебя гораздо старше представлял. Сколько же тебе лет, парень?

ВЕНЯ. Восе... двадцать.

МАТВЕЙ. Двадцать? Хм... что-то не верится. Ты и паспорт можешь показать?

ВЕНЯ. Я не понял, мы что, в магазине? Вы водку боитесь несовершеннолетнему продать?

МАТВЕЙ. Тут дело посерьезнее бутылки водки будет, дружок. И я бы тебе больше шестнадцати не дал. (*С сомнением*). Хотя?.. Ты в армии служил?

ВЕНЯ. Нет.

МАТВЕЙ. Что так? Больной?

ВЕНЯ. Здоровый я.

МАТВЕЙ. Тогда, значит, отмазался? Закошил?

ВЕНЯ. Ничего я не косил! Студент я. У меня отсрочка. И вообще, какая разница, служил я или не служил?

МАТВЕЙ. Ты прав, парень, никакой разницы. Ладно, не будем отвлекаться. Фото принес? Давай.

ВЕНЯ. Фото?..

МАТВЕЙ. Не тупи, парень. Как я, по-твоему, объект определю, а? Или ты, дружочек, решил словесным портретом обойтись?

ВЕНЯ. Нет, конечно. Я покажу. *(Смотрит на часы)*. Через полчаса. Я ведь специально встречу в этом кафе назначил.

МАТВЕЙ. Ты с ума сошел? Хочешь сказать, что объект должен через полчаса прийти в это кафе?

ВЕНЯ. Нет. Мимо пройдет. Каждый день с работы в это время идет. Я через окно покажу.

МАТВЕЙ *(со злостью)*. Сопляк, разве так дела делаются? Ты бы еще познакомил нас, идиот несчастный.

ВЕНЯ. Простите, мне просто показалось, что так будет лучше.

МАТВЕЙ. Когда кажется, креститься нужно. Ладно, давай удивляй меня дальше.

ВЕНЯ *(наклонившись вперед и почти шепотом)*. Прежде всего, я хотел бы договориться о том дне, когда все произойдет.

МАТВЕЙ. Что-то я не улавливаю, дружочек. Ты хочешь, чтобы я сделал это в определенный день? Какая-то памятная дата? *(Веня пытается что-то возразить, но Матвей не обращает на это никакого внимания)*. Ага, то есть тебе мало того, что произойдет. Тебе нужно, чтобы ему, в смысле кх-х... клиенту стала ясна причина того, что с ним случилось. Знаешь, парень, поверь моему опыту: все эти понты – совершенно лишнее в нашем случае.

ВЕНЯ. Да нет же! Я имел в виду другое. Нам нужно заранее выбрать какую-то дату, чтобы я уехал из города в этот день. Ведь нужно иметь алиби.

МАТВЕЙ. Ах, ты в этом смысле? Ну да, ну да. *(Иронично)*. Гляжу, дружочек, ты подготовился.

ВЕНЯ. Скажите, а *это* быстро произойдет? Как вы это сделаете?

МАТВЕЙ. Тебе не все ли равно? Зачем тебе лишняя информация? Меньше знаешь – крепче спишь. Усек?

ВЕНЯ *(угрюмо)*. Угу. Но я *(с нажимом)* хотел бы знать.

МАТВЕЙ. Ладно, настырный ты наш. Скажем так: я специалист по несчастным случаям. Конечно, многое зависит от того, кого нужно убрать, какая обстановка, жмут ли сроки. Усек?

ВЕНЯ. Да. Я еще вот че хотел спросить... она не будет мучиться?

МАТВЕЙ *(очень удивленно)*. Она? Скажите, пожалуйста! Значит, это баба? Ты часом не от подружки решил избавиться? *(Веня снова пытается что-то возразить, но Матвей по-прежнему не обращает на это никакого внимания)*. Что, угадал? Глупо! Если каждую телку

бросать подобным образом, человечество вымрет. Хочешь бесплатный совет, дружочек? Просто пошли ее. Могу и адресок подсказать. Ну да, покричит она, закатит истерику. Может, даже по морде твоей смазливой съездит, ежели темпераментная. Ничего, переживешь. А не хочешь скандала – просто отдай ей те деньги, что для меня приготовил. Поверь, если не дура, она возьмет бабло и с радостью сама свалит.

ВЕНЯ. Послушайте...

МАТВЕЙ. Все, все! Что-то и впрямь я разболтался сегодня. Старею что ли? Или это погода на меня так действует? Как ты считаешь, я похож на метеозависимого? (*Веня нервничает и в очередной раз пытается возразить, и Матвей наконец-то замечает это*). Ладно, не кипятись, Герман. Хм, Герман... Это твое настоящее имя?

ВЕНЯ. Да... то есть, нет. Просто я подумал, что в *таких* делах не принято светиться.

МАТВЕЙ. Скажите: подумал он! Да ты, дружочек, у нас мыслитель. А деньги-то у тебя есть, Сократ?

ВЕНЯ. Да. Пятьдесят тысяч.

МАТВЕЙ (*удивленно присвистнув*). Не слабо! Вот уж никак не ожидал. Пятьдесят кусков! Баксов или евриков?

ВЕНЯ (*замявшись и смущенно*). Рублей.

МАТВЕЙ. Да ты с ума сошел, парень! Пятьдесят штук деревянных! Думаешь, я возьмусь? Это же смешно. (*Встает из-за стола, собираясь уйти*). Все пока!

ВЕНЯ (*порывисто вскакивает и хватается Матвея за рукав*). Подождите! Мне очень надо! Не уходите!

МАТВЕЙ. Ты че орешь как потерпевший? А ну сядь и притихни! (*Озирается, затем садится*). Устроил цирк тут... То зашифровался сначала, конспиратор хренов, то разорался во всю Ивановскую.

ВЕНЯ. Простите, но мне, правда, очень нужно.

МАТВЕЙ. Твои проблемы, парень.

ВЕНЯ. Но мне очень...

МАТВЕЙ. Да, да, я уже уяснил, что тебе *очень* надо. Заладил как попугай. Но пойми, дружочек, я не занимаюсь благотворительностью. Не тот это бизнес. И расценки не мной установлены. Пусть это звучит несколько высокопарно, но цены продиктованы суровыми реалиями жизни.

ВЕНЯ. Может быть, я смогу продать что-нибудь...

МАТВЕЙ (*скептически*). А что у тебя есть? (*Веня молчит*). Ничего. Вот видишь, прав, был дядя Федор.

ВЕНЯ (*озадаченно*). К-к-какой дядя Федор?

МАТВЕЙ. Мультишный, из Простоквашина. Тот, что говорил: «Чтобы продать что-нибудь ненужное, нужно сначала купить что-нибудь ненужное. А у нас денег нет!» У тебя, конечно, есть монеты, но маловато, прямо скажем: кот заплакал.

ВЕНЯ. К-к-какой к-к-кот?

МАТВЕЙ. По всему выходит, что Матроскин. Из того же Простоквашина. Ладно, парень, пей свой кофе и не шебаршись. Я пошел.

ВЕНЯ (*настойчиво берет Матвея за руку, стараясь удержать*). Мне очень надо!

МАТВЕЙ. Ты че, парень, глухой или debil?

ВЕНЯ (*чуть не плача*). Мне на самом деле очень нужно!

МАТВЕЙ. Тогда сделай сам. В чем проблема?

ВЕНЯ. Я не могу.

МАТВЕЙ. Что, кишка тонка? Все, вы, на словах да в мыслях смелые. А как до дела дойдет, штанишки обмочили да к мамке под крылышко плакаться. Короче, не о чем трепаться. Копи бабульки, дружочек. Все, пока, привет родителям.

ВЕНЯ. Ну, подождите! Я мог бы отработать.

МАТВЕЙ. Интересно как? Батрачить на меня будешь? Посуду мыть, квартиру прибирать?

ВЕНЯ. Нет же. (*Подмигивает Матвею*). Я имел в виду реально отработать.

МАТВЕЙ. Э, ты че, парень! Ты мне *это самое* предлагаешь? Охереть! Ты меня с кем-то попутал. Я всю эту голубятину на дух не переносу.

ВЕНЯ. Нет, что вы! Я совсем другое имел в виду – ответную услугу. Я мог бы выполнить за вас... следующую работу.

МАТВЕЙ. Не надо за меня ничего выполнять. Лучше для себя сам сделай.

ВЕНЯ. Не могу! Это – личное, ну как же вы не поймете. Для себя не могу, а для другого я готов. Наверно...

МАТВЕЙ (*передразнивает*). Эх, ты: «наверно». (*Задумывается*). Что уж у тебя стряслось?

ВЕНЯ. Вам, не все ли равно?

МАТВЕЙ. И все же?..

ВЕНЯ. Я не хочу об этом говорить.

МАТВЕЙ. Ну не хочешь, так не хочешь. На нет, как говорится, и суда нет. *(Поднимается)*.
Адъёс, амиго.

ВЕНЯ. Ну, зачем вам знать причину? Сами же говорили: меньше знаешь – крепче спишь.

МАТВЕЙ *(снова присаживается)*. Ха, поддел ты меня, дружочек. Обычно я не веду таких разговоров, и мне действительно по барабану мотивы моих клиентов. Но видишь ли... ты почему-то беспокоишь меня.

ВЕНЯ. Беспокою? Но почему?

МАТВЕЙ. Сам не врублюсь, парень. Но отчего-то мне хочется тебя выслушать. Можешь списать мое желание на обычное любопытство. Или же так: у тебя не хватает денег, давай считать мои расспросы некоей компенсацией.

ВЕНЯ *(радостно)*. Так вы согласны? Да? Беретесь?

МАТВЕЙ. Нет. Пока нет. Ты рассказывай, а я пока послушаю да подумаю. Так что же случилось? *(Веня молчит)*. Для начала: кто она? *(Веня молчит)*. Я понял, что не подружка. До жены ты не дорос еще, дружочек. Так кто же?

ВЕНЯ. Мать.

МАТВЕЙ. Кто?! Мать?! Ты с ума сошел, парень? Ты себя слышишь? Мать! Самый близкий, самый родной человек на земле.

ВЕНЯ. Она мне не родная.

МАТВЕЙ. Дурак! Какая разница. Мать есть мать. *(Веня молчит)*. И чем же интересно она провинилась перед тобой?

ВЕНЯ *(подумав, и со злостью)*. Допустим, она мне надоела! Она меня бесит! Выводит из себя! *(С вызовом)*. Устраивает такая причина?

МАТВЕЙ. Нет. Даже если откинуть в сторону то, что ты говоришь такие вещи о маме, все равно не устраивает. Если б я валил всех, кто меня бесит! Если б все мочили тех, кто их раздражает! Знаешь, что? Нервы нужно лечить, парень! Сходи к доктору, как раз твоих денег на визит к лекарю хватит. Он тебе таблеточек с витаминчиками пропишет. Ты таблеточки попьешь, успокоишься, и все будет окей.

ВЕНЯ. Я не псих и не больной! Кстати, а если я скажу, что моя мать смертельно, неизлечимо больна, и я хочу избавиться ее от мук. Тогда что?

МАТВЕЙ. Что ж, это был бы весомый аргумент. Я не взялся бы, но, по крайней мере, понял бы твои чувства. Итак, в чем проблема?

ВЕНЯ. Тут в двух словах не расскажешь.

МАТВЕЙ. Так я ж тебя в словах не ограничиваю, дружочек.

ВЕНЯ. Я, пожалуй, выпью. Коньяка. *(Встает)*. Вам взять?

МАТВЕЙ. Не надо. Я на работе не пью. *(Веня уходит и вскоре возвращается с бокалом коньяка)*. Надо же! А я был уверен, что тебе не продадут. Или тебе на самом деле двадцать и ты бармену паспорт предъявил?

ВЕНЯ *(усмехнувшись)*. Нет, я сказал, что коньяк для вас.

МАТВЕЙ. А ты наглец, парень. Что ж, давай, пей и рассказывай.

Веня подносит бокал к губам и, морщась, одним залпом выпивает почти до конца. Какое-то время он сидит с напряженным лицом, точно силится удержать в себе выпитое, кривится, и наконец, заходится в кашле.

Что, коньяк под стать кофе, дерьмовенький?

ВЕНЯ *(морщится)*. Нормальный.

МАТВЕЙ. Забавный ты юноша, Герман. Ну что, готов к исповеди? Посмотрим, насколько тебе коньяк язык развязал.

ВЕНЯ. Послушайте, какого черта я должен?..

МАТВЕЙ. Нет, дружок, мы так не договаривались. Или говори, или я ухожу. Итак, парень, какая кошка перебежала между тобой и матушкой?

ВЕНЯ *(на вид заметно опьяневший)*. А я, пожалуй, еще коньячку хряпну! *(Встает, покачнувшись)*. Щас, метнусь по-быстрому, еще дозу приму, и тогда уж все как на духу.

Веня уходит и вскоре возвращается со вторым бокалом коньяка. Он падает на стул, и уже было собирается выпить, но Матвей, перегнувшись через стол, забирает бокал и ставит его возле себя.

Что, передумали? *(Икает)*. Ну и правильно. Щас я еще один стаканчик принесу.

МАТВЕЙ. Хватит тебе уже, парень! Давай, я жду.

ВЕНЯ. Че-то я не въеду никак: вам реально это нужно знать?

МАТВЕЙ. Иначе бы я не терял здесь время. Хотя, если честно, сам себе поражаюсь. Вот смотрю на тебя, слушаю, и какое-то смутное, непонятное мне беспокойство копошится вот здесь

(похлопывает себя по груди в области сердца). Копошится, царапает сердце, и не дает уйти, не выслушав твоей истории.

ВЕНЯ (пристально взглядываясь в Матвея и беспокойно ерзая на стуле). А я не мог вас раньше нигде видеть? Мы случайно не встречались?

МАТВЕЙ. Ха! Такие вопросы обычно девушкам задают, когда неумело к ним подкатывают.

ВЕНЯ (смущенно). Но мне реально ваше лицо очень знакомым кажется.

МАТВЕЙ. Да? Странно. Но мы точно раньше не пересекались. Я бы тебя запомнил, парень.

ВЕНЯ. Ну да, наверное.

МАТВЕЙ. Все, дружок, ты допинг принял. Так что теперь давай колись.

ВЕНЯ (опустив голову). Че говорить? Смысл? Я знаю наперед все, что вы скажете. Мол, мелочи и пустяки все мои проблемы.

МАТВЕЙ (ледяным тоном). Я ухожу?..

ВЕНЯ (поднимает голову). Я не знаю с чего начать.

МАТВЕЙ. Начни с самого начала, парень. Что не так с твоей мамой?

ВЕНЯ (с вызовом). Что не так?! Да все не так! Вот скажите мне, например, зачем она мне все время врала? Сама меня с детства учила говорить правду, и при этом врала! Врала, что она мне родная мать, врала, что отец мой был военным и погиб. Почему я должен был правду узнать от чужих людей?

МАТВЕЙ. Ну, наверное, она не успела тебе рассказать. Ждала, когда ты подрастешь, чтобы понять...

ВЕНЯ. Мне не пять лет, и я не пацан несмышленный. А если она боялась, что я не пойму, то... то так еще хуже! Получается, она меня считала за дурака, неспособного понять? Или как?

МАТВЕЙ. Не кипятись, парень. А ты не пробовал с мамой поговорить? Глядишь, она бы все тебе объяснила.

ВЕНЯ. Думаете, я не пытался? Но ей нечего было сказать мне, нечем было оправдать свое вранье.

МАТВЕЙ. Ну, хорошо, я готов признать, что врать – это не вполне педагогично. Но и не такое уж это тяжкое преступление. По-моему, этот грех с лихвою искупается материнской любовью.

ВЕНЯ. Ага, легко вам рассуждать со стороны. И то, что она скрыла от меня факт усыновления – это так, капля в море

МАТВЕЙ. Что же еще?..

ВЕНЯ (*с горячностью*). Да все! Я прошлой осенью после школы в военное училище хотел поступать. В летное. Я с детства самолетами бредил, мечтал, что буду сидеть за штурвалом истребителя. А она меня взяла и не пустила. Заявила мне: только через мой труп! И по херу ей мои мечты. Насрать ей, что я готовился, занимался, тренировался. Вот вы спрашивали недавно: служил ли я в армии. Она это слово, «армия», вообще слышать не может. Почему? Чем ей армия не угодила?

МАТВЕЙ. Ты ж у нее один. Она переживает. Сильно любит тебя, вот и переживает. (*Веня строит скептическую гримасу*). Ведь любит, ты же не будешь этого отрицать?

ВЕНЯ. Любовь, любовь. Да она затрахала меня своей любовью! Деться некуда от ее любви! Зажала меня в тиски: не вздохнуть, не пернуть! Как в тюрьме... Держит на привязи, как теленка несмышленного: туда не ходи, того не делай.

МАТВЕЙ. Для матерей мы всегда дети малые, и неважно, сколько нам лет. Материнский инстинкт – такова природа.

ВЕНЯ (*скептически*). Может и так. Только у всех пацанов мамки как мамки, а из моей эта «природа» так и прет. И это при том, что у нее и прав-то особых на это нет! Чуть задержался – звонит в истерике. Не дай бог телефон сел, и я не ответил, все, начинается светопреставление: обзваниваются все друзья, больницы, морги. Потом перед пацанами стыдно. А домой придешь – сразу заводит пластинку с душевспасительными беседами.

МАТВЕЙ. Ну, вот такая переживательная у тебя мама. Хочет, чтобы у тебя все было хорошо.

ВЕНЯ. Да? А ее кто-нибудь об этом просил? И мне лучше знать, что для меня хорошо. Я вот полгода назад девушку встретил. Красивая, добрая, говорит, что любит меня. Решили мы пожениться. Мать снова в стойку: типа, вы мало еще знакомы, приглядитесь друг к дружке.

МАТВЕЙ. Ну, мать права, парень. Сначала надо встать на ноги, а уж потом создавать семью. На одной сопливой романтике далеко не уедешь. Поверь мне, быт быстро все съест: все мечты, все фантазии растают словно мираж.

ВЕНЯ. Не растают! В любом случае, я решил, что в этот раз не уступлю! Все, хватит! Я уже взрослый, и у меня своя голова на плечах. Короче, не отступлюсь: сказал, что женюсь – значит, женюсь! Но... тут есть одна маленькая проблема – жилье. Я по-хорошему так матери говорю: давай разменяем квартиру, разъедемся. Нет, уперлась рогом и ни в какую.

МАТВЕЙ. И ты, недолго думая, решил: раз мать не желает по-хорошему, значит, все сделаем по-плохому? То есть все дело в квартире? И ты таким способом решаешь жилищный вопрос?

ВЕНЯ. Нет! Говорю же, мне вообще с ней житья никакого нет. Вроде бы по отдельности – пустяки, но вся эта мелочь копится, копится, растет как снежный ком. Зачем она меня вообще усыновила? Рос бы себе в детдоме, пусть там и невеселая житуха, зато год назад я бы свое законное жилье получил. И жил бы теперь, как хочется, как мне нравится!

МАТВЕЙ. Ты не прав, парень.

ВЕНЯ. Я ж говорил: не поймете!

МАТВЕЙ. Дурак! Мать тебе добра желает, а ты...

ВЕНЯ (*агрессивно*). Вот только не надо мне мораль читать и воспитывать! Мне, кажется, у вас несколько другой профиль. Я же, например, не спрашиваю вас, как вы до ремесла киллера докатились.

МАТВЕЙ (*усмехнувшись*). А я, как и ты, мамку в детстве не слушал – вот и докатился. Ладно, мне пора. (*Встает*). Заболтался я с тобой.

ВЕНЯ (*тоже встает*). Значит, не договоримся?

МАТВЕЙ. Не договоримся. На прощание совет, заметь бесплатный. Выкинь из головы то, что ты задумал. Пройдет время, ты и сам не заметишь, как все твои проблемы рассосутся.

ВЕНЯ (*глядя на часы*). Половина пятого. (*Подходит к окну*). Вон она идет. Если сейчас выйдете, то столкнетесь с ней.

МАТВЕЙ (*подходит к Вене, смотрит сквозь стекло*). Вот та, в серой кофте?

ВЕНЯ. Да нет же, в белом плаще.

Матвей вглядывается сквозь оконное стекло, лицо его меняется, удивление сменяется растерянностью, но вскоре уступает место привычной суровости. Он отворачивается.

МАТВЕЙ. Как ее звать?

ВЕНЯ. Что? Я не...

МАТВЕЙ. Имя. Как ее имя?

ВЕНЯ (*удивленно*). Елизавета Васильевна.

МАТВЕЙ. Лиза. (*Замолкает, задумавшись, потом поворачивается к Вене*). Ты веришь в судьбу, парень?

ВЕНЯ. В судьбу? Да... то есть нет... не знаю. А почему вы?..

МАТВЕЙ (*подходит к столу, берет бокал коньяка и залпом, не поморщившись, выпивает*). Ладно, дружочек, считай, договорились.

ВЕНЯ. Вы реально согласны?

МАТВЕЙ. Да. Короче, трепаться больше не о чем. В следующий вторник чтобы духу твоего не было в городе.

ВЕНЯ . Значит, уже во вторник?

МАТВЕЙ. Да. *(Отходит на пару шагов, но оборачивается)*. Так как звать-то тебя, Герман?

ВЕНЯ *(смущенно)*. Вениамин. Веня.

МАТВЕЙ. Прощай, Веня. *(Идет к дверям)*. Больше не увидимся.

ВЕНЯ *(спохватившись)*. Постойте. А деньги?

МАТВЕЙ *(обернувшись)*. Деньги? Ах, деньги. Оставь себе парень. А лучше отнеси в церковь. Или в детдом, сироткам. Сам же говорил, у них там невеселая житуха... Прощай.

Матвей уходит. Веня садится за столик, берет чашку с холодным кофе, делает глоток, морщится и резко ставит чашку на стол, расплескивая напиток.

ВЕНЯ. И, правда, гавно, а не кофе.

Свет гаснет. В темноте слышен шум проезжающих машин. Раздается напоминающий учащенное сердцебиение глухой стук женских каблучков. Стук прерывается голосом Матвея.

ГОЛОС МАТВЕЯ. Здравствуй, Лиза. *(Пауза)*. Ты не узнаешь меня? *(Пауза)*. Нет, вижу, что узнала. Да что с тобой? Господи, ты так побледнела, будто мертвеца увидела. *(Пауза)*. Ох, да что ж такое, ты на ногах совсем не стоишь. Погоди-ка, я тебя поддержу. Да живой я, Лиза, живой. И не мерещусь тебе. Вот моя рука, можешь потрогать. Ну, убедилась? *(Пауза)*. Вот что, милая, давай зайдем в это кафе, и я все тебе объясню. Хорошо?

ГОЛОС ЛИЗЫ *(еле слышно)*. Хорошо.

ГОЛОС МАТВЕЯ. Вот и чудненько. Тем более, как я слышал, здесь подают совсем не дурной кофе.

То же самое кафе, тот же самый столик, за которым Матвей недавно разговаривал с Веней. Лиза и Матвей сидят напротив друг друга. Между ними дымятся чашки с ненужным им кофе. Матвей, протянув через стол руку, нежно и успокаивающе поглаживает Лизину ладонь. Взгляд Матвея напряженно-внимательный и немножко виноватый. Лиза неотрывно смотрит на Матвея, боясь даже мигнуть, точно упусти она Матвея из виду хоть на одно мгновение, тот неминуемо растает в воздухе, как и положено призраку.

ЛИЗА. Ты ли это? Мотя, милый, неужели это ты? Или я сошла с ума и у меня галлюцинации?

МАТВЕЙ. Лиза, ты не сошла с ума. Это действительно я.

ЛИЗА. Но как же так? Как?

МАТВЕЙ. Так получилось, Лиза.

ЛИЗА. Знаешь, когда принесли извещение о твоей гибели, я ведь не поверила. Потому что не чувствовала вот здесь (*стучит себя по груди*), что тебя больше нет. Сердце отказывалось верить, что ты погиб. И я не верила, не верила до тех пор, пока спустя три месяца ко мне не приехал Толя Михеев.

МАТВЕЙ. Толик был у тебя?

ЛИЗА. Да. Он заехал ко мне сразу после госпиталя, по дороге домой. Он был такой слабый после ранения, что я, помнится, еще удивилась, как это его врачи в таком состоянии выписали. А он тогда улыбнулся в ответ, только улыбка у него такая печальная получилась. И сказал, что настолько надоел лекарям, что они его наконец-таки отпустили домой спокойно помирать.

МАТВЕЙ. Толик умер через полгода после дембеля.

ЛИЗА. Я не знала. Жаль...

МАТВЕЙ. Значит, тебе Толик сообщил о моей гибели?

ЛИЗА. Да. Он сказал, что вы тогда нарвались на засаду под Гудермесом. И он своими глазами видел, как ты... как тебя... (*плачет*).

МАТВЕЙ (*встает, подходит сзади и обнимает Лизу за шею*). Ну-ну, милая, не плачь. Я же живой, все хорошо.

ЛИЗА (*всхлипывая*). Толя все сокрушался... винил себя, что он... что они не смогли забрать твое тело... и еще других... он сказал, что там много погибло... сказал, когда они вернулись с подкреплением, то несколько тел не нашли, и твое тоже... а через день его самого ранило сильно...

МАТВЕЙ. Да уж, «чехи» в тот день нам крепко дали прикурить. Мы их совершенно не ждали в том месте. И, знаешь, меня на самом деле практически убили.

ЛИЗА (*уже не плачет, говорит со злостью*). Но не убили же! Почему тогда они мне сказали, что ты погиб? Почему Толя сказал? Почему?

МАТВЕЙ (*отпускает Лизу, возвращается на свое место*). Там такая каша была, такая мясорубка. Знаешь, Лизок, будь я на месте Толика и видь я то, что он видел, я бы тоже ни секунды не сомневался, что старшему сержанту Матвею Снегиреву пришел конец.

ЛИЗА. Но ты же выжил...

МАТВЕЙ. Выжил. Хотя порой самому не верится. На мне живого места не было.

ЛИЗА. Где же ты был столько лет, всю жизнь?..

МАТВЕЙ. Это долгая история. И грустная. Не люблю вспоминать.

ЛИЗА. Расскажи мне.

МАТВЕЙ (*с трудом подбирая слова*). Да что говорить-то? Очнулся я после того боя, а кругом «духи». Вот так. Три года в плену, три года ада, и каждый день я жалел, что не умер. И знаешь, Лиз, лишь мысли о тебе возвращали меня к жизни, не давали сломаться. Я думал о тебе, и это помогало мне не свихнуться.

ЛИЗА (*встает, подходит сзади и обнимает Матвея, целуя его в макушку*). Бедненький мой...

МАТВЕЙ. Два раза я пытался бежать, ловили, почти до смерти били. Последние полгода я в яме просидел. Безвылазно. А в один прекрасный день приехал какой-то майор, и меня вместе с одним нашим капитаном обменяли на двух боевиков. Собственно говоря, обмен замутили из-за этого капитана, он только-только в плен попал, а я уже так – прицепом пошел. Про меня ж никто не знал, никто меня не искал. Просто майор двух «чехов» привез, вот меня и отдали в паре с капитаном. Хотя «хозяин» мой очень недоволен был, так расставаться, сука, не хотел. Вот.. а после освобождения был госпиталь, потом волокита с документами – по бумагам-то я числился в мертвых. Как паспорт выправил, сразу кинулся к тебе, но... не застал. В твоей квартире уже жили чужие люди.

ЛИЗА. Да. (*Возвращается на свое место*). Я уехала почти сразу, как узнала о твоей гибели. Не могла больше жить в этом городе, дышать его воздухом. Не могла ходить по улицам, где мы с тобой гуляли. Не могла... ты меня понимаешь? (*Матвей молча кивает*). Валька Мотина... помнишь, Вальку-то? (*Матвей снова кивает*). Валька как раз собралась в Москву на заработки, и меня с собой сманила. Время-то тогда трудное было, голодное, по-всякому выживали. Вот я и решила с Валькой рвануть. Думала на время уезжаю, но видишь вот, задержалась, приросла. Через год съездила на недельку домой, раздала ненужные вещи по знакомым, по соседям, продала квартиру – сущие копейки дали – и назад в столицу. Вот уже почти двадцать лет я – москвичка.

МАТВЕЙ. Замуж так и не вышла?

ЛИЗА. Нет. Не встретила больше такого, как ты.

МАТВЕЙ. Так и живешь одна?

ЛИЗА. Нет, не одна. Валька на второй год нашей столичной одиссеи познакомилась с одним студентиком. Такой, знаешь, весь из себя. Коренной москвич. Смазливенький, язык хорошо подвешен. Взял он Вальку в оборот, и та, дурочка, втюхалась в него без памяти. Помнишь же, какая она шепутная была? (*Матвей кивает*). Ну и что, забеременела, конечно. Думала, он ее замуж позовет, а он ручкой помахал: типа, простите, мадам, но я вас не знаю. Валька поначалу

хотела аборт делать, но я ее отговорила. Обещала ей всячески помогать. (*Грустно вздыхает, замолкает*).

МАТВЕЙ. И что? Родила Валька-то?

ЛИЗА. Да. Роды были сложные, что-то там пошло не так. То ли врачи чего не доглядели, не знаю, но Валька при родах умерла. А мы с Венечкой остались вдвоем.

МАТВЕЙ. С Венечкой?

ЛИЗА. Да. Венечка, сынок мой.

МАТВЕЙ. Как же ты справилась? Одна, в чужом городе, с маленьким ребенком на руках...

ЛИЗА. Вот так. Трудно, конечно, было. Но ничего, вырастила. Такой красавец! Еще увидишь... Знаешь, я так и не решилась ему сказать, что он усыновленный.

МАТВЕЙ. Почему?

ЛИЗА. Даже не знаю. Струсила, наверное. Все боялась, вдруг не поймет. Прости, но когда я Венечке твои фотографии показывала, то сказала, что ты – отец... Он спрашивал, и я просто не смогла... не сумела...

МАТВЕЙ (*понимающе*). Так вот откуда ему показалось...

ЛИЗА. Что? Ты о чем, Мотя?

МАТВЕЙ. Да так, не обращай внимания. Просто я настолько обалдел от встречи с тобой, что никак не приду в себя от радости.

ЛИЗА. Мне тоже не верится. Мне столько всего нужно тебе рассказать.

МАТВЕЙ (*улыбаясь*). Еще успеешь.

ЛИЗА. (*Спохватившись*). Да что я все о себе да о себе. Ты-то как? Не женился?

МАТВЕЙ. Нет.

ЛИЗА. Как живешь, где работаешь?

МАТВЕЙ. Да вот... живу, работаю. У меня небольшой бизнес, что-то вроде охранного агентства. Ничего интересного. Сплошная череда серых будней. (*Тихо*). С тех пор, как я потерял тебя, кажется все радостное и светлое разом ушло из моей жизни. Да и не жизнь это была, так, одна маета. Дня не проходило, чтобы я не вспоминал о тебе.

ЛИЗА. Ты искал меня?

МАТВЕЙ. Все время, милая.

ЛИЗА. Это же чудо, что мы встретились, правда?

МАТВЕЙ. Это – Судьба.

ЛИЗА. Да, судьба, которая двадцать лет назад разлучила нас, а теперь вновь соединила.

МАТВЕЙ. Больше я тебя никогда и никуда не отпущу.

ЛИЗА. Обещаешь?

МАТВЕЙ. Обещаю.

ЛИЗА. Мы снова будем вместе?

МАТВЕЙ. Да. Навсегда.

ЛИЗА. И уже не расстанемся?

МАТВЕЙ. Мы столько времени уже потеряли, что теперь не имеем права потерять хотя бы минуту.

ЛИЗА. Господи, кажется, я сейчас сойду с ума от счастья! У нас будет настоящая семья! Мы можем жить у меня. У нас с Венечкой небольшая, но уютная квартира. Конечно, далековато от центра, но...

МАТВЕЙ. Лиза, милая, послушай меня и постарайся понять правильно. (*Берет Лизу за руку*). Я понимаю, что это может прозвучать странно, но мы не будем жить ни в твоём гнездышке на окраине, ни в моей холостяцкой берлоге в центре. По крайней мере, пока не будем. Нам необходимо уехать.

ЛИЗА. Уехать? Зачем? Куда?

МАТВЕЙ. Зачем – я пока не могу тебе ответить, а вот куда... слава богу, есть куда. Знаешь, у меня есть чудесный домик в Испании, на живописном берегу. Райское местечко. Нам там будет очень комфортно. Мы будем наслаждаться солнцем, морем, чудесным вином и... друг другом. Мы там будем счастливы, милая! Обещаю...

ЛИЗА (*осторожно высвобождает свою руку*). Я не понимаю. Ты имеешь в виду, что мы поедem в свадебное путешествие? Медовый месяц?

МАТВЕЙ. Можно и так сказать. Но нам нужно уехать.

ЛИЗА. Ну, хорошо. В следующем месяце я оформлю отпуск, и мы поедem. А пока мы будем жить или у меня, или у тебя.

МАТВЕЙ. Нет, Лиза, нам нужно уехать не в следующем месяце.

ЛИЗА. А когда?

МАТВЕЙ. Чем раньше, тем лучше. Так надо.

ЛИЗА (*растерянно*). Не понимаю. Но что нам мешает быть счастливыми здесь? (*Матвей молчит*). Почему такая срочность?

МАТВЕЙ. Обстоятельства вынуждают меня уехать из России. Я ничего не могу поделать, это выше моих сил. Но мы уедем вместе. Я теперь тебя никуда не отпущу.

ЛИЗА. Уехать, бросить все? А как же моя работа?

МАТВЕЙ. Ты уволишься. Я неплохо зарабатывал в последнее время. У меня скопилась кругленькая сумма в банке. Думаю, нам до конца жизни хватит.

ЛИЗА. И все же... Не понимаю. Это похоже на какое-то бегство. У тебя что-то произошло?

МАТВЕЙ. Я пока не могу тебе всего рассказать. (*Лиза морщится, и Матвей начинает говорить – торопливо, словно оправдываясь*). Нет, ты не подумай чего, я тебе все обязательно расскажу, все объясню, только не сейчас. Так надо. А пока я просто прошу тебя верить мне.

ЛИЗА (*почти плачет*). Так странно. Мы только встретились и вдруг срочно должны уезжать.

МАТВЕЙ (*расстроено*). Да, так вышло. Это расплата... расплата за мои грехи...

ЛИЗА. Какие грехи? О чем ты?

МАТВЕЙ. О чем? Да о том, что за всё в этой чертовой жизни приходится платить. (*С долей злости*). Знаешь, мне порой кажется, что вся наша жизнь – сплошной супермаркет. И в этом огромном и богатом на ассортимент магазине у всякой вещи и у всякой твари, у любого чувства и любой мечты есть не только имя, но и цена. Идешь ты такой по жизни вдоль незримых бесконечных рядов витрин, и везде, тут и там, разбросаны ценники. (*Стучит кулаком по столу, Лиза вздрагивает*). И торговаться бессмысленно. За всё – абсолютно за всё! – приходится платить. И за порывы души, и за грехи, и за мысли и за дела – за все жизнь с нас спрашивает. Иногда требует предоплаты, а иногда выставляет счет, когда мы и думать уже забыли о своем приобретении.

ЛИЗА. Ты меня пугаешь, Мотя...

МАТВЕЙ (*снова берет Лизу за руку*). Прости, прости, родная. И не слушай меня, несу всякую чушь. Лучше скажи, ты мне веришь? Веришь, что я все силы приложу, чтобы нам хорошо было?

ЛИЗА. Да, конечно.

МАТВЕЙ. Хорошо. Тогда завтра ты должна взять на работе расчет. А еще лучше – сегодня, прямо сейчас.

ЛИЗА (*улыбается*). Сумасшедший. Прямо сейчас не получится – рабочий день уже закончился. Там никого нет.

МАТВЕЙ. Ладно, пусть так. Тогда завтра позвонишь на работу, скажешь у тебя семейные обстоятельства, пусть кто-нибудь за тебя напишет заявление или что там нужно?

ЛИЗА. Нет, я так не могу. Неужели твои... то есть *(с нажимом)* наши семейные обстоятельства до утра не потерпят.

МАТВЕЙ *(нехотя)*. Хорошо, отложим до утра. Завтра заедем к тебе на работу, оформим расчет, и сразу в аэропорт, по дороге к новой жизни! А сейчас поедем ко мне.

ЛИЗА. Точно сумасшедший. Подожди, я хоть Венечке позвоню. Ой...

МАТВЕЙ. Что такое?

ЛИЗА. А как же Веня? Я не могу вот так его бросить.

МАТВЕЙ. Да ладно! Он же не маленький, не пропадет. Завтра утром позвонишь ему из аэропорта, скажешь, что должна срочно улететь, что у тебя хорошие, очень хорошие новости, и ты все ему объяснишь, но попозже. *(Смотрит на Лизу)*. Хотя, пожалуй, ты еще расплачешься, начнешь с ним сюсюкать, рвать себе сердце жалостью. Лучше я сам позабочусь об этом. Хорошо?

ЛИЗА *(высвобождает руку и с твердостью в голосе)*. Нет, я так не могу! Прости, но не могу!

МАТВЕЙ. Лиза, он же взрослый парень! Он справится.

ЛИЗА. Ему только-только исполнилось восемнадцать.

МАТВЕЙ. Вот, не пять же лет! Восемнадцать! Я в восемнадцать на войну ушел. По-моему, ты слишком его опекаешь. Растишь его таким маменькиным сынком, неспособным решать проблемы.

ЛИЗА. Откуда тебе знать?

МАТВЕЙ. Почему ты не разрешила ему поступать в военное училище?..

ЛИЗА *(удивленно)*. Но откуда ты?..

МАТВЕЙ. Почему не позволила пойти в армию, стать крепким мужиком, настоящим, раз уж он сам рвался туда?

ЛИЗА. Отдать его армии? После того, как эта армия забрала у меня тебя? Ну, уж нет!!!

МАТВЕЙ. Эх, Лиза, Лиза. Желаеть ему добра, оберегаешь его от всяких напастей, опекаешь, но только парню во вред эта забота! Знаешь, как плавать учат? Бросают в воду – и выплывай, коли жить хочешь! Да жестоко, но зато эффективно! И в жизни так надо: греби, барахтайся, думай своей головой и прилагай усилия. А то привыкли жить на всем готовеньком, когда за тебя все продумано да распланировано.

ЛИЗА. Просто у Венечки никогда не было отца, который мог бы научить его жизни, быть ему живым примером. Но ты не знаешь, как мы жили эти годы! И ты не знаешь Венечку! И уж прости, но я не считаю, что он вырос маменькиным сынком и не сможет постоять за себя.

МАТВЕЙ (*улыбаясь*). Ну вот! Ты сама признала, что он не пропадет без тебя. И значит, ты со спокойным сердцем можешь уехать со мной.

ЛИЗА. Нет, Мотя, милый, прости, но я так не могу.

МАТВЕЙ. А помнишь, что ты мне говорила двадцать лет назад?

ЛИЗА (*улыбнувшись*). Я говорила, что люблю тебя, и что ты – мое бесконечное счастье.

МАТВЕЙ. Да. А еще ты говорила, что за мной, как за каменной стеной, и что ты всегда и везде будешь мне безоговорочно доверять и слушаться, и что куда я – туда и ты. Ты так и говорила, за тобой...

ЛИЗА. ...хоть на край света. Да, я помню.

МАТВЕЙ. Ты и сейчас так думаешь?

ЛИЗА (*тихо*). Да.

МАТВЕЙ. Тогда я прошу тебя, заклинаю довериться мне и уехать. Завтра.

ЛИЗА (*долго смотрит на Матвея, вздыхает*). Хорошо, я согласна. Давай уедем.

МАТВЕЙ. Поверь, родная, ты никогда не пожалеешь об этом.

ЛИЗА. Обещаешь?

МАТВЕЙ. Клянусь. (*Встает, подходит к Лизе, наклоняется, целует ее*). Что-то мы засиделись. Поехали, милая, ко мне. Только сразу предупреждаю: я не дам тебе выспаться этой ночью! (*Снова целует*). Ничего, выспишься в самолете...

Лиза и Матвей, обнявшись, уходят. Кофе остается на столе нетронутым. Гаснет свет. В темноте слышится шум проезжающих машин. Шум обрывается резким визгом тормозов. Раздаются длинные гудки. Свет зажигается. Веня разговаривает по телефону.

ВЕНЯ. Але, Лёх, привет.

ГОЛОС ЛЁХИ. О, зда-арова, Веник.

ВЕНЯ. Хорошо, что я до тебя дозвонился.

ГОЛОС ЛЁХИ. А че, какие-то проблемасы?

ВЕНЯ. Лёх, тут такое дело... понимаешь... мне бы... это...

ГОЛОС ЛЁХИ. Да че стряслось-то? Че ты сиськи мнешь, говори конкретно.

ВЕНЯ. Лёх, ты не в курсе, как этого Матвея найти? Понимаешь, мы с ним договорились, а я... короче, я теперь передумал.

ГОЛОС ЛЁХИ. Ну, ты даешь! Я даже не знаю. Ну, че, звони ему и базарь. Номерок же я те кидал.

ВЕНЯ. Да звонил я на тот номер, там «абонент – не абонент». Не знаешь, как с ним еще связаться?

ГОЛОС ЛЁХИ. Да откуда?

ВЕНЯ. Слушай, может, Кабана спросишь? Может, он в курсах, а? Мне очень нужно заказ отменить.

ГОЛОС ЛЁХИ. Ну, ладно, спрошу.

ВЕНЯ. Звякнешь мне, если че узнаешь, лады? *(Телефон начинает вибрировать, Веня смотрит на него в легком удивлении)*. Ну, все, пока, Лёх. У меня параллельный звонок. Звони, если че. *(Нажимает кнопку)*. Але.

ГОЛОС СЛЕДОВАТЕЛЯ. Максимов Вениамин Андреевич?

ВЕНЯ. Да. Кто это?

ГОЛОС СЛЕДОВАТЕЛЯ. Меня зовут Корнеев Николай Петрович, следователь 4-го РУВД.

ВЕНЯ *(испуганно)*. С-с-следователь?

ГОЛОС СЛЕДОВАТЕЛЯ. Да. Боюсь, у меня для вас печальные новости, Вениамин Андреевич.

ВЕНЯ. Я не понимаю...

ГОЛОС СЛЕДОВАТЕЛЯ. Произошел несчастный случай. Три часа назад ваша мама, Елизавета Васильевна, попала в ДТП.

ВЕНЯ. Мама! Нет! Она жива?

ГОЛОС СЛЕДОВАТЕЛЯ. Сожалею, ваша мама погибла. Шоссе по дороге в аэропорт, двадцать седьмой километр. Дорога после дождя была скользкой. Машину занесло на повороте. На полном ходу она врезалась в дерево. Никаких шансов выжить. Примите мои соболезнования.

ВЕНЯ *(растерянно)*. Но как же так?.. И причем тут аэропорт?..

ГОЛОС СЛЕДОВАТЕЛЯ. Не знаю. Судя по документам, за рулем был некто Снегирев Матвей Иванович. Он также скончался на месте. Вениамин Андреевич, вам знаком этот гражданин?

ВЕНЯ. Снегирев? Нет, впервые слышу. *(Задумавшись)*. М-м-матвей...

ГОЛОС СЛЕДОВАТЕЛЯ. Вениамин Андреевич, я понимаю, что вам сейчас тяжело, но я вынужден вас просить подъехать на опознание. *(Веня убирает телефон от уха)*. Алло, вы слышите меня? Алло?..

ВЕНЯ. Нет, не может быть... он же сказал, что во вторник... сегодня ведь понедельник... ну как же?..

Телефон падает из ослабевшей руки Вени. Он с невидящим взглядом безумного человека опускается на колени и, раскачиваясь, начинает тоненько скулить. Поднимает голову вверх, вглядывается в пустоту, тщетно силясь там что-то увидеть. Кричит.

ВЕНЯ. Мама!.. Мама!.. Прости меня, мама!.. Мама, мамочка...

Веня опускает голову и замолкает. Тишину разрывают похожие на сирену нарастающие звуки коротких гудков. Свет гаснет. Гудки сменяются шумом морского прибоя, на фоне которого слышны голоса, удивительно напоминающие голоса Матвея и Лизы.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Eres feliz, mi niña? (Ты счастлива, моя девочка?)

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Infinitamente feliz! (Бесконечно счастлива!)

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Te gusta de aquí, querida? (Тебе здесь нравится, дорогая?)

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Sí, mi favorito! Es el mismo paraíso. (Да, мой любимый. Это же настоящий рай.)

МУЖСКОЙ ГОЛОС. El paraíso de allí es de donde eres, cariño... (Рай там, где ты, милая...)

Шум моря нарастает, голоса стихают.

Занавес.

Сентябрь – октябрь 2015